

СМЕШНАЯ Love Story

Алина Кускова

ЖЕНИСЬ, Я ВСЁ ПРОЩУ!

Алина Кускова

Женись, я все прощу!

«Автор»

2008

Кускова А.

Женись, я все прощу! / А. Кускова — «Автор», 2008

Насте Белкиной не повезло. Девушка опять влюбилась не в того парня. Ее любимый не только лучший журналист, но еще настоящий бабник и закоренелый холостяк. Кому же поплакаться – подушке или подружке? Конечно же, на помощь придет женская дружба. И тогда этот браконенавистник никуда не денется – влюбится и женится. Только сначала... на подруге Люсе. Для перевоспитания. А уж та устроит медовый месяц с полной сменой холостяцкой обстановки... Люся покажет ему все ужасы неудачного брака, а прелести счастливого воплотятся с Настей. В общем, ради подруги Люся готова на всё!

© Кускова А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Алина КУСКОВА

ЖЕНИСЬ, Я ВСЁ ПРОЩУ!

Вместо предисловия

В начале девятого утра в районной газете «Знамя труда» спали даже мухи. Полусонная уборщица грузно поднималась по лестнице, при каждом шаге жалуясь на радикулит. Кому она рассказывала о своих мучениях, было непонятно, – во всем здании царило безлюдие. Медленно, но верно она дошла до входной металлической двери и загремела связкой ключей. Едва попав одним из них в нужное отверстие, она услышала доносившиеся изнутри звуки неопределенного характера. Серафима Ильинична вытащила ключ из замочной скважины и сунула туда глаз. Без очков она видела не дальше своего носа, поэтому для наведения резкости сощурила глаз в щелку. Но внутри коридора, не имеющего ни одного окна, была такая темень – хоть коли€ полуслепой глаз, хоть не коли€, разглядеть что-нибудь было совершенно невозможно. Она выпрямилась и прижалась к двери ухом. Но слышала старушка тоже довольно слабо. Немного успокоившись, она причислила неведомые звуки к случающимся в редакционных комнатах проделкам пресловутого привидения Черного Редактора. Повернула-таки ключ и открыла дверь.

Первым делом Серафима Ильинична включила свет, огляделась – никого и ничего. Так и есть, подумалось ей, Черный Редактор забавляется. Она достала из сумки серенький халатик, надела его и направилась к своему кабинету из двух каморок: кладовки с вениками, тряпками и моющими средствами и туалета. Засучив рукава и громко напевая веселую песенку про бравого Мальбрука, собравшегося в поход, женщина взялась за уборку. Но уже на словах «уселся на коня» голос ее дрогнул и тряпка выпала из старческих рук. В туалете горел свет, и оттуда доносилось подозрительное сопение и кряхтение. Мысль о том, что привидение, как обычный человек, справляет там нужду, заставила усомниться в его подлинности. Она подняла с полу тряпку и, дополнительно вооружившись шваброй, с криком «Смерть оккупантам!» решительно толкнула дверь в туалет. Но вместо Черного Редактора ее взору предстал в позе эмбриона журналист Федор Смолкин, мирно сопящий и обнимающий унитаз. От возгласа он проснулся и теперь тер глаза, вглядываясь в резиновые боты у своего носа.

Память возвращалась к Смолкину медленно. Виной тому было выпитое накануне море вина, пива и водки одновременно. Праздновать День радио начали всем коллективом. Закончили... тут Федор напрягся, потому что дальше помнил смутно. Он ушел в туалет, а коллектив закрыл входную дверь, забыв про него. И Федору пришлось ночевать там, где пришлось. Можно было бы устроиться на стульях в коридоре, но вчера это как-то не пришло ему в голову. А сегодня болела спина, ломило поясницу и дергалась правая нога, которую он отлежал. В принципе, Смолкин не злоупотреблял, но праздники отмечал регулярно. Особенно когда было с кем. Вчера было. А сегодня, при этой мысли Смолкин поднял глаза на Серафиму Ильиничну, еще пока не с кем. Разве что... Нет, она явно откажется.

– И чего разлегся?! – возмутилась уборщица. – Ну-ка поднимайся и ступай домой к жене!

Смолкин усмехнулся. Старушка явно что-то путала. У него, закоренелого холостяка и ловеласа, никогда не было и не будет этой обременительной ноши, которая называется женой.

– Люся небось заждалась своего пропитушку, – бормотала Серафима Ильинична, помогая Смолкину подняться.

– Пардон, мадам! – Ее юмор показался Смолкину чересчур неуместным, если не сказать, черным. – О какой Люсе вы говорите?

– Допился, алкаш! – укорила его та. – Имени родной жены не помнит.

– Что вы заладили про какую-то жену?! Перед вами – Федор Смолкин! Отъявленный холостяк и волк-одиночка! Лучший журналист и завидный жених, который никогда не женится!

– Эхма, лучший журналист! Ступай домой, к жене. Адрес помнишь? Или скажешь, что никогда не жил в Энске? Я-то точно знаю, что твои апартаменты в соседнем доме. Если что, доведу.

Смолкин поморщился и решительно отверг помощь старой дамы, подозревая ее в чрезмерном принятии снотворных таблеток на ночь. Видимо, та до сих пор не очухалась и перепутала его с кем-то. Впрочем, в единственном она была права: Федор жил неподалеку от редакции. Странно, что вчера он не осилил путь домой. Спускаясь по темной лестнице, он нащупал в кармане ключи от квартиры и улыбнулся. Жена?! Еще чего! Да никогда! Да ни за что! Уж ладно бы Настасья, с которой он вроде как крутил очередной роман. Но какая-то Люська?! Да у него никогда не было Люсек. Или были? Смолкин наморщил лоб и принялся вспоминать свои случайные связи. Но их оказалось слишком много. Среди его пассий могла быть и какая-то Людмила.

– Это ты?! – Федор обомлел, когда дверь его квартиры открыла коллега по работе.

– С добрым утром, муженек, – заявила она и за галстук втянула его в жилище.

Глава 1

Нет предела этому беспределу

Весна трепетала молодой листвой на прохладном ветру. Людмила Селиванова шла на работу в редакцию, сбежав от Смолкина, который требовал немедленных разборок в связи со своей скоростной женитьбой. Сейчас ей этого не хотелось, к тому же Федор был пьян и не вполне адекватен. Пусть проспится, а она тем временем поднакопит силенок для дальнейших объяснений. Разговаривать по поводу того, каким образом Смолкин оказался ее законным мужем, все равно придется. Этот донжуан и бывший завидный холостяк не оставит ее в покое. Ее, его собственную жену, симпатичную двадцатисемилетнюю особу со стройной фигуркой и выпирающими откуда надо частями тела. Вполне соблазнительную и обворожительную для того, чтобы окрутить нормального мужчину.

Как она не хотела связываться с этим ненормальным! Но девчонки так уговаривали, что пришлось пойти им навстречу. Хотя если бы Настасья Белкина не разрыдалась, то она бы еще подумала. Теперь уже поздно отступать, нужно готовиться к решающему сражению. Пусть оно пройдет в родных стенах редакции, где Людмилу поддержит весь женский коллектив районки. А мужской останется в неведении. Она запахнула куртку и уверенно зашагала по ступенькам.

– Ну, как он? – поинтересовалась Серафима Ильинична. – Добрался без приключений?

– Все приключения у него еще впереди, – подмигнула ей Люся и прошла в кабинет.

Небольшую комнатку она делила с Настасьей и двумя навороченными компьютерами, на которых девушки занимались газетной версткой. За пять лет совместной отсидки они успели подружиться и втянуться в жизненные перипетии друг друга. Впрочем, эти самые перипетии чаще случались у Настасьи, ей катастрофически не везло в любви. Пухлую привлекательную блондинку как магнитом тянуло к сомнительным мужским личностям, одной из которых и оказался Федор Смолкин.

– Ну, как? – круглые голубые глаза Настасьи уставились на Людмилу в ожидании чуда.

– Отлично, – пробурчала она, оправдывая ее надежду. – Проспится и придет меня убивать.

– Мы этого не допустим! – с жаром заявила Настя. – Мы его сами... ой...

– Вот именно что ой, – Людмила села на рабочее место. – Главное – выдержать первый натиск врага.

– Я сбегаю, еще раз всем напомню, – предложила Белкина и помчалась по кабинетам.

Люся с тоской поглядела ей вслед и подумала: великие умники, утверждающие, что женской дружбы не бывает, глубоко заблуждаются. Если бы они только знали, на что решилась Селиванова ради подруги, то съели бы свои вонючие стельки. И за чем только она на это согласилась?! Вдруг Смолкин ее действительно убьет, чтобы вновь стать свободным?!

«Ничего у него не получится, – мстительно улыbnулась Людмила, – после моей смерти он станет вдовцом. Вдовцом, а не закоренелым холостяком!» Разница была существенной. Смолкин уже не сможет кичиться своей брачной неприкосновенностью. Уже ради одного этого стоило повесить на себя такое ярмо.

Ярмо проспало через пару часов и ввалилось в редакцию с такими же круглыми глазами, как у Белкиной. Федор тут же кинулся к «верстке», пряча в кармане какой-то сверток.

– Ты у меня забыла, – шепнул он и сунул его Люсе.

– Что это? – спросила та недоуменно.

– Твое нижнее белье, висело в ванной, – опять шепотом, чтобы его не услышала Настасья, объяснил Смолкин. – И зубная щетка не моя, и гель, пардон, для интимных мест...

– Федя, – Люся встала и подошла к нему поближе, – это теперь не мои, а наши вещи!

– Наши? – прохрипел Смолкин. – Зачем мне твой гель для... хм. Зубная щетка у меня своя есть. Я же не акула с двумя рядами зубов.

– Ха-ха! – Люся прижала Смолкина своим бюстом к холодной стене. – Феденька, ты что, забыл, что мы вчера поженились и ты потребовал, чтобы я перевезла к тебе вещи?!

– Мы поженились?! – Смолкин побледнел и безжизненно опустил руки. – Я потребовал?!

– Да, – кивнула белокурой головой Настасья, – вы женились, и ты требовал!

– Не может быть, – прошептал Федор, недоверчиво глядя на девиц. – Кто свидетели?

– В загсе сказали, что на сегодняшний момент они уже не актуальны, – ответила Люся, пожимая плечами, – мы обошлись без них.

– Значит, – подозрительно сощурился Смолкин, – свидетелей нет?

– Если ты так ставишь вопрос, – возразила Люся, – то у нас в свидетелях вся редакция. Мы отмечали регистрацию в журналистской.

– Не может быть! – воскликнул Федор, оттолкнул Селиванову и бросился к журналистам.

– Может быть, все может быть, – проворчала Люся и направилась за ним.

– Поздравляю с законным браком, – расплылась в довольной улыбке перед дверью в кабинет Гортензия Степановна, серьезная дама, занимавшаяся корректурой.

– Радость-то какая, поздравляю! – прыгала еще одна случайно оказавшаяся поблизости коллега. Это была Эллочка, секретарь организации, в которой доблестно трудился Федор.

– Бред какой-то, – все еще не верил Смолкин, хватаясь за ручку двери, – массовые галлюцинации!

– Горько молодоженам! – прокричали ему товарищи по перу, как только он ступил на порог.

Федор озадаченно сел за свой рабочий стол. Люся демонстративно подошла к нему и чмокнула в щеку. Народ заплодировал. Потом разошелся по кабинетам, увлекая за собой невесту, пообещавшую поделиться подробностями начавшейся вчера семейной жизни.

– Как это произошло? – прохрипел Смолкин, оглядывая сотоварищей-корреспондентов – хмурого Василия и веселого Константина.

– Прикольно! – радовался Константин. – Ты был в полной отключке и висел на Люське, как родной.

– Занимательно, – согласился с ним Василий, – я бы даже сказал, что довольно храбро. Женился, как отрезал, не примеряясь семь раз.

– Итак, – вздохнул Федор, уставившись на дверь, – я все-таки женился. А когда оформляют развод?

Людмила обняла Настю, и обе немного всплакнули. Первый тайм прошел со счетом один —ноль в их пользу. Осталась еще парочка с небольшими перерывами, за время которых следовало провести тщательную подготовку. Впрочем, подготовка была проведена заранее, следовало только еще раз убедиться в том, что все идет по плану. Люся набрала номер своей приятельницы, начальника местного загса, и поинтересовалась ходом строительных работ. Та обнадежила ее, что помещение загса из-за протекающей крыши будет закрыто минимум на три дня. Заявления о расторжении брака в это время принимать никто не станет. Какое расторжение, если у загса от течи поехала крыша?

Смолкин бросил трубку на рычаг. Ему показалось, что крыша поехала у него. Какие строительные работы? Ему придется жить с Люськой в одной квартире минимум три дня! Она будет вести себя как его законная жена: готовить, стирать, убирать. С ней придется спать в одной постели? Нет, в браке определенно есть свои преимущества. Жалко, что его не заключают на год! Пожили, надоели друг другу и разошлись. Женился на очередной Люське. Та снова готовит, стирает, убирает. А он с ней... хм.

Федор мечтательно улыбнулся.

– Радует, – кивнул на него Константин, – такую девку отхватил!

– Остальные-то теперь побоку, – позлорадствовал Василий, не пользовавшийся вниманием у женщин.

Федор сник. Вот что худшая сторона брака! Остальные побоку. Поэтому он и не собирался жениться минимум лет десять. Как же получилось, что он передумал?! Смолкин потерял виски, напряг память, но так ничего и не вспомнил, кроме того, как утром обнимал унитаза. Значит, у них не было первой брачной ночи? А Люська даже не закатила скандал по этому поводу?! Закатит. Бабы все такие. Оттягивает удовольствие до вечера, а перед ужином начнет ему припоминать. Что же выходит? Федору придется ужинать с Люской? А как же Лариса?

– А кто его спрашивает? – интересовался по телефону Василий. – Верочка? Ах, это вы, Верочка! Конечно, он рад. Да и вы обрадуетесь, когда узнаете, что Федор вчера женился и у вас есть отличная возможность поздравить его с законным браком. Бросила трубку, – развел он руками.

– Выпьем, Федя, где же кружка?! – продекламировал Константин и пошел к холодильнику за остатками вчерашнего пиршества.

– Почему Люська? – страдал Смолкин, наблюдая за тем, как Константин разливает по пластиковым стаканчикам водку, боязливо поглядывая на дверь в ожидании появления главреда. Тот утренние возлияния не поощрял и требовал трудовой активности, которая после застолий превращалась в трудовой подвиг.

– Я же говорю, – поднимая стакан, повторил Костя, – она висела на тебе, как родная!

– За мужскую солидарность, мужики! – провозгласил тост Василий, и все залпом опрокинули стаканы.

– Лариса, – стонал Смолкин, – Верочка, Соня Огурцова! Почему Люська?!

– Вот так, брат, бывает, – похлопал его по плечу Василий. – Верочка, Верочка, а потом – бац! И Люська! Лариса, Лариса, а потом – бац и...

– Федор! – Дверь резко распахнулась, и на пороге показался главред. – Поздравляю!

Он подбежал к столу, с которого не успели убрать початый алкоголь, и тоже потребовал наполнить ему стакан. Смахивая скупую мужскую слезу, главред сказал тост и выпил. А потом еще.

– Федька, сволочь, – расчувствовался Сан Саныч после опустошенной бутылки, – как ты мог? Вот и я когда-то напился и женился. Сколько лет-то прошло? Девчонки уже выросли...

Смолкин молча поглядел на седоватого главреда. Если уж и он в свое время напился и женился, значит, такая у них судьба, у журналистов. Нет предела этому беспределу. Все бабы одинаковы: так и норовят ухватить подвыпившего мужика, нацепить на его одурманенное сознание брачные оковы и повесить на свободолюбивую шею хомут. Как он мог столько выпить, что согласился жениться?! Нужно меньше пить. И спать. Особенно с разными бабами. Но отныне ему придется менять всю свою налаженную жизнь. Вряд ли Люська потерпит его бывших пассий. Рыжая ведьма! Как она смогла его окрутить?

– Детей-то когда рожать начнете? – интересовался главред. – Не затягивай с этим делом, Федя.

– Ага, – поддерживал того Константин, – в стране с рождаемостью напряженка.

– Как только, так сразу, – пробурчал Смолкин, лишь бы его оставили в покое. Детей ему только не хватало. Еще чего! Он ни за что не станет матерью-героиней. То есть Люська его не станет, конечно же. Его? Он уже думает о ней как о своей собственности?

– Пухлик, – в кабинет заглянула Людмила, – ты обедать с нами пойдешь? – И она кивнула на стоявшую рядом с ней Настасью. Опешивший от «Пухлика» Смолкин застыл с соленым огурцом во рту и едва нашел в себе силы промычать «нет». – Тогда мы двинули в сторону «Макдоналдса». У тебя сотни не найдется, а то я кошелек дома забыла?

Смолкин дрожащей от напряжения рукой полез в карман и выудил деньги. Вертихвостка! Она уже начинает опустошать его карманы! Он кисло улыбнулся сослуживцам и протянул ей купюры.

– Спасибо, – восхитилась его щедростью Люся и послала Смолкину воздушный поцелуй, от которого его физиономию перекосило.

– Пу-х-лик, – мечтательно повторил Костя, когда Люська закрыла за собой дверь. – Как она тебя ласково! Жениться, что ли?

– Моя меня тоже когда-то, – махнул рукой главред, предлагая тем самым наполнить емкости до краев. И Константин полез в холодильник за оставшейся водкой.

Люся выбрала «Макдоналдс» не случайно. Отсюда открывался отличный вид на вход в редакцию. Она решила контролировать Смолкина каждую минуту. Его нельзя было отпускать в самостоятельное плавание, из которого его только что прибило к семейному берегу. Ведь в холостяцком море осталось полным– полно плотоядных русалок, мечтающих затянуть его обратно в пучину разврата. Мечтать о Смолкине должна была каждая романтическая особа слабого пола. Он был местным мачо, если уж не по внешности (рост средний, комплекция полная, очки), то уж по умению убалтывать женщин – точно. Случись ему встретиться с Казановой, тот бы ему позавидовал!

Люсю он никогда не привлекал как мужчина. Ей нравились высокие, крепкие brunеты с глубокими карими глазами, в которых можно было утонуть безвозвратно. Вернее, нравились бы. До этого момента ни один brunet ее мечты еще не встречался. Возможно, они и были, но Люсе не попадались. Зато Федор Смолкин маячил перед глазами каждый день. Маячил, разбивал шутя женские сердца, одаривая всех обаятельной улыбкой закоренелого холостяка. И вот теперь он уже не холостяк!

– Тебе придется ему готовить еду? – трагическим шепотом поинтересовалась Настя, прихлебывая молочный коктейль с клубникой.

– Придется, – шумно вздыхала Люська, вливая в себя прохладу ванильного напитка.

– Тебе нужно будет ему стирать? – продолжала подруга.

– Нужно, – соглашалась та.

– И спать в одной постели?! – Настя испуганно закрыла рот рукой и огляделась по сторонам, как будто под одним из столов прятался Смолкин и слушал их откровения.

– Ни за что! – заявила Люся и вцепилась зубами в гамбургер.

– Тогда он догадается о том, что ты его не любишь, – трагически прошептала Настя.

– Подумаешь, – процедила Люся, – где ты видела, что люди женятся по любви? Только в кинокомедиях! А жизнь – это прежде всего драма. Шекспировская трагедия, если хочешь!

– Не хочу, – призналась Настя, – я не хочу, чтобы в моей жизни были трагедии. Ты уж как-нибудь...

– Ладно, – согласилась та, потрянув своей длинной рыжей шевелюрой, – я постараюсь. Я устрою ему такую трагедию с драмой! Он пожалеет, что родился на свет.

– У него мама очень хорошая, – вздохнула Настя, – ее жалко.

– А он кого пожалел?! – Люся запихнула в себя гамбургер и принялась сосредоточенно жевать.

– Ну да, ну да, – закивала Настасья, – только с мамой аккуратней, у нее может быть большое сердце.

– Я хочу познакомиться с ней в самое ближайшее время, чтобы у Федора не было путей к отступлению. И познакомлю его со своей, уж она направит его на истинный путь.

– Твоя мама тоже очень хорошая, – сказала Настя.

– У тебя все хорошие люди! – горячо высказалась Люся. – И Смолкин, который обманул тебя и бросил, тоже замечательный.

- Как человек он действительно очень хороший, – неуверенно ответила подруга.
- Такими хорошими людьми все тюрьмы переполнены, – заявила Люся и замерла. – Вышел! Куда направился? – Она пригляделась. – Нет, это не Смолкин. Это Константин.
- В магазин побежал, – предположила Настасья, – Сан Санычу не хватило.
- Значит, вечером Смолкин снова будет пьян! – обрадовалась Люська. – Я устрою ему скандал. А ты во время представления посидишь в стенном шкафу в коридоре. Когда он начнет меня душить, выскочишь оттуда и вызовешь милицию.
- Выскочу, – торжественно, как новобранец на присяге, пообещала Белкина. – Но тебе не кажется, что Федя не сможет поднять на женщину руку?
- Не сможет? Ха! Я его заставлю это сделать! – Людмила сверкнула глазами так, что за соседним столиком мужчина, поймавший ее взгляд, подавился жареной картошкой.

День был невыпускным, потому работники редакции улизнули домой раньше обычного. Но Смолкин задержался, домой ему не хотелось. Он никогда не любил возвращаться в пустую квартиру. Каждый вечер он навещал друзей и приятельниц, которые ждали его с нетерпением. Сегодня же его с нетерпением ждала жена. Федору это обстоятельство жутко не нравилось. Люсю он знал давно, уважал как профессионала. Но такой профессиональной хватки от нее никак не ожидал!

Сан Саныч рассказал, что на мероприятии, посвященном Дню радио, устроители затеяли бал новобрачных, среди которых затесался Смолкин, привлеченный красотой оголенных частей женских тел в белых платьях. Он, как одуревший, бегал за невестами и обещал на них жениться, пока один из женихов не съездил ему по морде лица, отключив его от восприятия действительности. Видимо, в этот момент профессионалка Селиванова и воспользовалась его уроненным авторитетом. Но он, по крайней мере, должен был сказать «да». И говорил, как подтвердил Сан Саныч. Селиванова показывала ему подвязку от своих чулок, а он гладил ее ногу и орал «да!». «Что это, как не любовь?» – предположил главред и сказал тост.

Она заманила его в ловушку! Наивного, доверчивого Смолкина обманули самым бесстыжим образом. Говоря «да!», он имел в виду совершенно другое. Ему нужно пойти домой и разобраться с обманщицей. Наверняка сейчас она сидит в его квартире и дрожит как осиновый лист, предчувствуя, что добрые люди ему обо всем рассказали. Как она его окрутила, наколола, обьегорила...

– Явился не запылится, – Люська по примеру своей бабушки-казачки уперла руки в бока и выставила вперед правую ногу в домашней тапочке с кроличьим помпоном. – Где шляется? Сколько времени, видел? – Помпон грозно заколыхался на тапке. – Чтоб после работы всегда бежал домой! – продолжала орать на весь подъезд Люська. – Ишь ты, Казанова хренов!

– Ты чего? – обомлел Смолкин, опешив от подобного приема. – Мы же с главредом...

– И ему достанется, – Люся погрозила в сторону редакции кулаком. – Ишь, гад, спаивает мужа!

У Федора на нервной почве задержался левый глаз, которым тем не менее он отчетливо увидел, как открылась дверь напротив и показалась седая голова соседки, украшенная бигуди.

– Здравствуйте! – заорала Селиванова. – Мы тут с мужем разговариваем. Я, между прочим, вчера за него замуж вышла!

– Примите мои искренние соболезнования, – прошамкала та беззубым ртом и исчезла из поля зрения молодоженов.

– Видел, что о тебе люди говорят? Алкоголик! – Люська посторонилась и пропустила Смолкина в его же собственную квартиру.

– Что ты сделала? – выдохнул тот, оседая на телефонной тумбочке. – Теперь она позвонит маме.

– А! Испугался мамочки! То-то. Если и завтра придешь в таком виде, то я сама ей позвоню, – пообещала Люська. – Кстати, ты обещал меня с ней познакомить. Нехорошо как-то получается. Женился, а с мамой не знакомишь.

– Я обещал? – схватился за хмельную голову Смолкин, припоминая, что же еще он наобещал этой дуре. Ничего вспомнить так и не получилось. Он прикрыл глаза и окунулся в сладостную пелену сна.

– А! – заорала Люська, трясая его за грудки и пытаясь привести в чувство. – Подлец и негодяй!

– Не трогай Федечку! – пискнула Настасья и выпрыгнула из стенного шкафа. – Не нужно его душить. Он хороший.

– Настыка? – очнулся тот и обрадовался. – Ты откуда? Или я и на тебе женился? У меня что, гарем?

– Падишах нашелся, – буркнула та, увидев, что убивать Смолкина никто не собирается.

– Давай дотащим его до спальни, – сказала Люся подруге, резонно предположив, что одна с нетрезвым Смолкиным не справится.

– Ни за что! – заорал тот, прикрывая ширинку брюк. – Только не в одной постели!

– Девственник нашелся, – хмыкнула Люська и схватила Смолкина под мышки. Настя взялась за ноги, и они потащили упирающегося Федора в спальню. – Сейчас мы его разденем, – грозно нахмурилась Люська, – и отхлестаем тем березовым веником, что висит у него в ванной... Имею право как законная супруга!

– Царь небесный, – прошептал убитый унижением Смолкин, – завтра же брошу пить. Только огради от этого исчадия ада!

Бить его не стали, ограничились устным предупреждением. Федор клятвенно пообещал приходить вовремя домой, не интересоваться другими женщинами и бросить пить. Люся ему не поверила. Она догадывалась, что завтра Смолкин побежит в загс разводиться. Но не тут-то было! Мало того, что там ремонтировали крышу, так еще и следующий день был выходным. И до него нужно было дожить.

– Оставайся, – предложила Люся подруге. – Он проснется и меня убьет. Моя смерть будет на твоей совести, Белкина.

– Федя не такой, – твердила Настасья, прикрывая дверь в спальню. – И я рада, что у вас не было брачной ночи.

– А я-то как рада, – усмехнулась Люся, раскрывая все шкафчики в комнате мужа в поисках спиртного. – Ни брачной, ни послебрачной. Я же сказала, что не стану с ним заниматься любовью.

– Может быть, тебе признаться, что ты беременна? – предложила Настя.

– Может быть, – согласилась с ней Люся, разглядывая найденную бутылку с початым чинзано. – Вздвогнем по капле? Мне необходимо расслабиться.

Девушки прошли на кухню и закрылись. Люся нашла в холодильнике Смолкина «Докторскую» колбасу, заботливо припасенную для сына его мамой, и открыла первые попавшиеся консервы – кильки в томате. Закуска вышла так себе, холостяцкая. У Смолкина не было ни конфет, ни шоколада, который так любила Люся. Пить вино с кильками и колбасой ей не хотелось. Но не идти же на ночь глядя в магазин. Или к соседке в бигуди. Впрочем, та могла бы ее пожалеть: бедняжка, вышла замуж за такого идиота. Но сегодня Людмиле жалость была не нужна. Ей следовало настроиться на утреннюю встречу с «любимым» супругом.

– Чтoб у вас все было замечательно! – пылко произнесла Настасья, закрыла глаза и выпила.

– Ты это о чем? – удивилась Люся, которую вовсе не устраивала замечательная жизнь с Федором.

– О вас, – всхлипнула подруга. – Вы такая интересная пара.

– Так, – отодвинула ее бокал Люся, – тебе больше не наливать. Ешь кильку.
Из спальни раздался храп Смолкина. Девушки притихли.

– Я, пожалуй, останусь, – сказала Настя, втянув голову в плечи. – Вдруг ты его покалечишь.

Рассуждать о том, кто кого покалечит в начале семейной жизни, с Белкиной было бесполезно. Такая беззаветная любовь, которую она испытывала к Смолкину, не искоренялась ни каленым железом, ни другими душевными процедурами. Пришлось хлестать чинзано одной и выслушивать замечания подруги о том, какая они хорошая пара и как прекрасно смотрятся вместе. Люся вспомнила лоснящееся лицо супруга, его пухлые губы, ошарашенный вид... Как можно любить Смолкина? Она не представляла. И догадывалась, что он никогда ей этого не простит. Ну и что? Зато запомнит на всю жизнь.

А жизнь до нее у Федора была красочной и изобиловала фактами измен. Девушки менялись у Смолкина, как перчатки у светской модницы. Среди них попадались изношенные, дешевые рукавички, но в большинстве случаев Смолкин встречался с привлекательными женщинами. Вот и Настасье голову кружил. И что она в нем нашла? Обратила бы лучше внимание на Константина. Приятный веселый парень, жаль, что блондин. Для Селивановой блондины как мужчины не существовали. Они могли быть хорошими друзьями, приятными коллегами, но только не любовниками. Смолкин блондином не был. Его пепельный цвет волос давал смутную надежду на Люськино внимание, но он им не воспользовался самостоятельно. За что и поплатился. И за остальное тоже.

– Нужно переставить мебель, – внезапно озарило молодую жену.

– Зачем? – в губах Насти застыла недоеденная килька.

– Чтобы он проснулся и понял, кто в его доме хозяин! – отчеканила Люська и прикинула, насколько тяжело будет переставлять холодильник из одного угла в другой.

– Ты думаешь, это поможет? – заинтересовалась подруга.

– Еще как, – усмехнулась та, – мужчины по натуре собственники. Он привык к холодильнику, что тот все время стоит в одном углу. А мы возьмем и передвинем его! Для Смолкина перестановка будет равносильна тому, что холодильник выкинули с балкона.

– Может, поменяем местами микроволновку с тостером? – неуверенно предложила Настя, поглядывая на холодильник с нескрываемым ужасом.

– Настена, мы все поменяем, – сказала Селиванова, – ничего из прошлой жизни Смолкина ему не останется. Начнем с кухни. В комнате сделаем перестановку позже, когда он куда-нибудь уйдет.

– И ты его отпустишь? – трагически произнесла Настя.

– Да, ты права. Отпускать нельзя. Если только к маме...

– Не забывай, что она милая, добрая женщина, – напомнила Настя.

– Пока мы имеем дело с вредным и неприятным типом, – заявила Люся и попыталась сдвинуть холодильник. – Нелегко, – призналась она, – придется переставлять микроволновку. Но тогда откроем у раковины трубу!

– Зачем? – Настя в изумлении забыла про кильку, зафиксировав ее, как сигару, в уголке рта.

– Пусть сидит дома и чинит водопровод, – подмигнула ей Люся.

– Чинит водопровод! – восхищенно всплеснула руками Настя и проглотила кильку. Она чуть не подавилась. Пришлось запивать кильку тем, что оказалось под рукой.

Под утро подруги задремали на диванчике, нежно прижавшись друг к другу. К этому времени кухня преобразилась полностью, только холодильник, как оплот холостяцкой неприкосновенности Смолкина, остался стоять на месте.

Глава 2

Федя в шкуре убитого им медведя

Людмила Селиванова не всегда была стервой. Такой ее сделали вынужденные обстоятельства. Мало того, что они лишили ее жениха-компьютерщика – тот сбежал на край света в Силиконовую долину и Люську с собой не позвал. Так еще и лучшая подруга оказалась обманутой таким же негодяем. Если Селиванова могла стойко перенести измену, то Настасья первый раз в жизни собралась покончить с собственным никчемным существованием. Она забралась на самое высокое здание в городе – пятнадцатизэтажку – и решила с нее прыгнуть. Но страх высоты не позволил ей даже приблизиться к краю. Настасья разревелась и позвонила подруге. Там, на пятнадцатизетажной верхотуре, Людмиле пришла в голову замечательная идея. Раз она не может отыграться на своем бывшем женихе, то возьмется по полной программе за Настасьиного обидчика. И взялась.

Федор Смолкин обидел не только Настасью, он начал встречаться с сестрой начальницы загса, променяв на дочку Гортензии Степановны. Та продержалась не дольше недели. Следующей несчастной жертвой стала соседка Серафимы Ильиничны. Девушка, несмотря на настойчивые предупреждения старой женщины, убедилась в коварстве Смолкина сама и получила душевную травму. Осталась обида на местного мачо и у секретарши Элочки. Смолкин постоянно делал ей многозначительные намеки, но каждый раз, когда дело принимало серьезный оборот, увиливал в сторону. И это еще не полный список обманутых им девиц за последний месяц. Проведя небольшое расследование, а без подготовки взяться за Федора Люся не решилась бы, она поняла, что тот настроил против себя если не всю женскую часть небольшого городка, то уж ее добрую половину точно.

То, что задумала сделать Людмила, было неоднократно описано у классиков в трагедиях. Ей оставалось лишь собрать воедино творческие изыскания великих людей и перейти к радикальным действиям. Она собрала и перешла. Одним теплым весенним днем, когда отмечали День радио, веселились на балу молодоженов, а Смолкин напился до пороссячьего визга, состоялась инсценировка свадьбы и началось великое перевоспитание энского Казановы. Вернее, это случилось утром следующего дня, когда Людмила открыла Смолкину дверь и заявила, что она его законная супруга, хотя на самом деле никогда ею не была.

Он этого не знал, зато знали другие, но подыгрывали или молчали. Некоторые, в том числе и главред Сан Саныч, об обмане даже не догадывались, наивно полагая, что закоренелый холостяк может когда-нибудь образумиться и жениться. Круговая порука сделала свое черное дело. Смолкину пришлось признать то, что накануне в совершенно невменяемом состоянии он добровольно женился на Селивановой. Свадьба якобы состоялась в редакции газеты, была названа «комсомольской» и прошла на ура. На ней присутствовали гости, подарившие молодоженам сервиз, электрический чайник и утюг. В принципе, нужные для ведения совместного хозяйства вещи. Люсе пришлось разориться и купить их в супермаркете. Смолкин оказался довольно жалким типом, он безоговорочно поверил в сказку о собственной женитьбе и в очередной раз напился. За что получил нагоняй от супруги и массу неприятных ощущений.

Доставлять неприятные ощущения и входило в задачу Людмилы Селивановой. Но ей следовало не отвращать закоренелого холостяка от брака, а показать ему все прелести семейной жизни, какие могли бы быть у него не с ней, сварливой, мелочной и жадной женой, а с милой и необыкновенно чуткой Настасьей. Для последней отводилась роль чертика из табакерки. Она должна была выпрыгивать всякий раз, когда требовалось пожалеть и утешить бедного молодого мужа. О соперницах Людмила не переживала. Те, узнав, что Федор сочетался законным браком со стервой Селивановой, должны были отпасть от него, как напившиеся крови пиявки.

Что и случилось. Первой отпала Верочка, второй – Лариса. Она позвонила Смолкину рано утром с намерением потребовать у того отчета, где он был накануне вечером. У них намечался совместный ужин, который Федор проигнорировал.

– Федор находился у себя дома, – заявила Люся, используя в голосе только холодные металлические нотки, – в объятиях законной супруги!

– Что?! Кого?! Где?! – только и смогла вымолвить соперница и замолчала.

– И попрошу вас, кошелка, нас больше не беспокоить! – добавила Люся стервозности в свою речь и подмигнула проснувшейся Настасье.

– Не беспокоить? – повторила Лариса, которую еще никто в жизни не называл кошелкой, и положила трубку.

– Ха! – трянула рыжими волосами Селиванова. – Вторая есть! Сколько же их у него?

– Он очень привлекательный мужчина, – сказала Настя, поднимаясь и оглядываясь на дверь спальни, за которой стояла полная тишина. Обычно Смолкин храпел. – Он не умер от горя?

– Спасибо, подруга дорогая! – бросила ей Люся, направляясь в ванную. – По-твоему получается, что жениться на мне – это огромное горе? Между прочим, ты должна готовить завтрак. Заметь, не я, а ты.

– Я помню, – кивнула головой Настя и принялась быстро одеваться. – Я все же гляну.

Она подошла к спальне и тихо приоткрыла дверь. Смолкин не спал. Он лежал, натянув на себя пуховое одеяло до подбородка, пучил глаза и жалко улыбался.

– Привет, – обрадовалась Настя, что Федя остался жив и невредим, – кушать хочешь?

Тот молча кивнул одеялом и продолжил тянуть улыбку.

– Я приготовлю тебе омлет, – радостно пообещала Настя.

Он вышел, крадучись, после того, как по всей квартире разнесся кофейный аромат и запах омлета. Девицы возились на кухне, накрывая стол к завтраку, и обсуждали грядущие выходные. Смолкин прислушался. Те собирались тащить его на дачу к какой-то маме. Внезапно до него дошло, что коварная Селиванова собирается познакомить его со своей мамочкой. Только этого ему не хватало! Нужно было немедленно что-то придумать, чтобы остаться дома и на трезвую голову поразмыслить о произошедшем инциденте. Правда, голова после двухдневной пьянки гудела, как чугунный котелок, в котором помешивали кашу. Впрочем, она-то и подсказала ему, как можно использовать пошатнувшееся здоровье. Смолкин, громко вздохнув и ахнув, обездвиженно свалился у кухонной двери.

– Что это с ним? – возмущенно поинтересовалась Люська, пихая Смолкина носком тапки.

– Федечка, бедный! Он заболел! – спохватился «чертик» и выскочил из кухни, пытаясь оказать Смолкину первую медицинскую помощь. – Ему нужно сделать искусственное дыхание «рот в рот».

– Я не умею, – призналась Люська и пожала плечами.

– Тогда это сделаю я, – решила Настасья и склонилась над Федором.

Тот не выдержал и усмехнулся. Он искренне обрадовался, что ему не придется общаться «рот в рот» с Селивановой. Уж лучше Белкина. С этой он, по крайней мере, уже целовался и получал удовольствие от процесса. Селиванова еще, не приведи господь, в порыве стервозности укусит.

– Ему лучше! Лучше! – радовалась Белкина, глядя на то, как он усмехается.

– Не-а, – промычал Федор, – мне плохо. Тащите меня в кровать!

Подруги переглянулись и потащили. А что оставалось делать? Пьянство никогда не доводит до добра, разрушая личность человека и его организм. Нечто подобное рассказывала возлежащему на многочисленных подушках Смолкину Люська, наблюдая за тем, как Настя кормит того с ложечки, вернее, с вилочки омлетом. Смолкин послушно открывал рот, глотал вкусный омлет, запивал его кофе и ухмылялся лекции о вреде алкоголизма.

Ситуация начинала ему нравиться. В его холостяцкой жизни такого завтрака еще не было. Обычно он вскакивал чуть свет, хватал свою одежду и прыгал с балкона в кусты сирени, обдирая задницу и мужское хозяйство. В лучшем случае, если дама оказывалась незамужней, он спокойно одевался, прощался с ней и отчаливал в свою холостяцкую берлогу, где курил, пил рассол и принимал ванну. Сегодня пить рассол ему не хотелось. Белкина сварила замечательный кофе и приготовила омлет. Ну почему он женился на этой дуре Селивановой?! Вспомнив о своей скоропалительной женитьбе, Смолкин поинтересовался насчет паспорта.

– Ты его потерял, Пухлик! – нагло заявила молодая супруга, приблизив свои честные глаза к его унылой физиономии. – На балу, когда лапал аппетитных невест. Я написала за тебя заявление в УВД, они обещали найти как можно быстрее. Так что подождем.

– А твой? – подозрительно прищурился Смолкин. – Твой паспорт с печатью где?

– В Караганде! – выкрикнула Люська и спокойно добавила: – Там же, где и твой. Они пропали оба после того, как их проштамповали в загсе.

– Ребята, – примирительно сказала Настасья, – не ссорьтесь. Хотите, я вам свой паспорт покажу?

– Не хотим, – строго сказала Селиванова и запихнула в рот Смолкину ломоть батона.

Но отвлечь того от больной темы было уже невозможно.

– Но как нас расписали без предварительной подачи заявления за два месяца?!

– Мы же подавали! Ты что, опупел?! – Люська закрыла ему рот соленым огурцом.

– Ко-да? – прошамкал тот, откусывая сочную мякоть.

– Когда ты напился на Восьмое марта! – нагло заявила беспринципная особа.

Смолкин хлопнул себя ладонью по лбу и помрачнел.

– Надо меньше пить! – изрек он и откинулся на подушки.

Люся воспользовалась моментом и продолжила лекцию о вреде алкоголизма.

Завтрак прошел в теплой, дружественной обстановке. После него подруги поели сами и помыли посуду. Смолкина оставили в покое, надеясь, что он, больной и обессиленный, вновь уснет. Но тот, услышав, что возня на кухне прекратилась, потребовал наполнить себе ванну. Люся поначалу нахмурила брови и назвала супруга эксплуататором, но Настя уговорила ее выполнить просьбу практически умирающего Смолкина. И отправилась выполнять ее сама.

Поддерживаемый с двух сторон под локти довольный Федор прошел в ванную и обомлел. Так о нем еще никто не заботился. Кроме мамы, которая купала его в далеком детстве. Пенная ванна ждала Смолкина, играя разноцветными пахучими пузырями при электрическом освещении и зажженных ароматизированных свечах. Рядом с ванной стояла магнитола, откуда лилась романтическая песня о неразделенной любви. Смолкин выдворил подруг за дверь, разделся и залег в пузыри.

– Федя! – раздался тут же голосок Белкиной. – Тебе спинку не потереть?

– Это уже слишком, – толкая подругу в бок, прошипела Селиванова.

Смолкин блаженно закрыл глаза и представил, как в ванну входит Белкина, на ходу раздевается, как заправская стриптизерша, залезает к нему... Внезапно рядом с ними возник образ Селивановой, и сексуальная картинка рассыпалась от ее чудовищного голоса.

– Сам себе потрет! – заявила Люська и оттащила Настю от двери.

– Ты что себе позволяешь? – возмутилась Люська, когда они с подругой оказались в комнате. – Вдруг он о чем-то догадается? Ты не должна оказывать ему такие знаки внимания, а просто спасать его от меня.

– Я и спасаю, – всхлипнула та, – как могу.

– Слушай, Белкина, – Люся села в кресло и достала пачку сигарет. – Из тебя получилась бы замечательная жена для этого обалдуя. Так давай постепенно приведем его к этому мнению. Постепенно! А сейчас, глядя на твои безрассудные действия, он может понять только одно – что ты на все готова.

– Так и есть, – вздохнула та, – ради Феде...

– Ради Феде, ради Феде, – пробурчала Люська, пытаясь прикурить. Она делала это в первый раз и назло Смолкину. – Федя съел медведя...

– Не тем концом, – подсказала Настасья, с тревогой глядя на мучения Люськи. – Не подожги дом.

– А! Снова проявляешь жалость к Смолкину! Боишься, что он погибнет в огне?! Ничего, ты кинешься его спасать и получишь медаль «За отвагу при пожаре».

– Я за тебя тоже боюсь, – решительно заявила Настасья. – Ты такая экспрессивная. Можешь не выдержать общения с Федей.

– Это пусть он боится! – крикнула Люся и погрозила в сторону ванной кулаком. – Нет, я поражаюсь твоему долготерпению. – Она пристально поглядела на подругу. – У тебя явно занижена самооценка. Ты себя не уважаешь до такой степени, что готова простить мужчину, который над тобой надругался самым бесчеловечным способом.

– У нас была замечательная ночь, – покраснела Настасья. – Я помню, как...

– Вот-вот, – оборвала ее подруга, – ты помнишь, а он уже все забыл. И между прочим, женился на другой, о чем, похоже, мало сожалеет. Да я на его месте волосы себе рвала бы от отчаяния.

– Может, он и рвет, – прислушалась к звукам в ванной Настя, – только без свидетелей.

– Ага, – мрачно кивнула ей Люся, – рвет. Как же! Тащится и смеется над нами! Я бы ему такую ванну, да я бы ему...

– Девочки! – внезапно раздался голос Смолкина, и показалась его голова. – Еще бы пивка с воблой!

– Я сбегая, – тут же предложила Настя.

– Сиди, тряпка, – прошипела Люська и поднялась, попыхивая сигаретой. – Обойдешься! – заявила она и выпихнула голову Смолкина за дверь.

– Ну, что ты в самом деле, – попыталась возмутиться Настя, – человек с похмелья, а пиво всегда спасает. И для здоровья полезно.

– Для здоровья полезны медицинские работники, – усмехнулась Люся и обратилась к Федору: – Ты как себя чувствуешь, муженек?

– Отвратительно! – буркнул тот из ванной, куда вернулся без настроения.

– Отлично, – потеряла ладони Люська. – Сейчас мы тебе поможем!

Она подошла к телефону и вызвала знакомую медсестру Тосю. В белом халате, высоком колпаке и с антигриппозной повязкой на лице Смолкин вряд ли мог узнать свою бывшую пассию Тоську, которую бросил после двух свиданий. Чем уж она ему не понравилась, неизвестно. Возможно, огромной комплекцией, сильными руками и мощной грудью. Но поначалу Смолкина это привлекло. По всей видимости, он опрометчиво решил разнообразить список своих жертв и подал медицинской сестре надежду. Сегодня у нее появилась прекрасная возможность отыгаться на обидчике, чем она не преминула воспользоваться.

– Это что?! – изумился, глядя на медсестру, вышедший из ванной в одном полотенце Федор.

Ожидающий его сугроб зашевелился, и на Смолкина уставились два полных ненависти, косоватых серых глаза, не предвещающих ничего хорошего.

– Это, Пухлик, – ласково ответила ему Селиванова, – наша забота о твоём здоровье. Не можем же мы бросить тебя на произвол судьбы!

– Бросьте меня, бросьте! – Федор попятился, отмахиваясь от медсестры, как от привидения.

Та демонстративно подошла к столу, на котором стоял ее медицинский чемоданчик, открыла его и достала одноразовый шприц. Покопалась еще, отыскивая самую длинную иглу и

пузырек с лекарством. Смолкин, придерживая полотенце, продолжал пятиться в сторону Белкиной, инстинктивно чувствуя, что лишь ее сердечко дрогнет при его мучениях.

– Ща станет как новенький! – пробасила Тоська и надвинулась на Смолкина бесконечной неизбежностью. – Его немного расслабит, зато организм очистится. Не вихляйся, – посоветовала она, прижимая Федора к стене и срывая с него полотенце, затем стремительно ударила его по затылку. Смолкин от резкой боли согнулся в три погибели и получил укол в зад. – Все тип-топ, – усмехнулась Тоська, распрямляя взывшего Смолкина, который, теряя сознание от ужаса, успел зацепить с пола коврик и прикрыться им.

– Феденька, больно, да?! – к нему тут же подскочила Настасья и повела несчастного к дивану.

– Огромное вам спасибо за спасение здоровья моего драгоценного мужа! – прокричала зачем-то Селиванова и многозначительно уставилась на медсестру.

– Пожалуйста, – недоуменно ответила та, вспоминая, что же она забыла сделать. – Ах, да! – Она хлопнула себя по обширным бокам. – Спасибо-то в карман не положишь!

– Что верно, то верно, – рассудительно заметила Люська и повернулась к Смолкину. – Пухлик, за услуги надо заплатить!

– Сколько? – прохрипел тот, держась за уколотое место.

– А сколько у вас есть? – вошла в азарт медсестра.

– Вам и сотни хватит! – строго сказала Люся, роясь в карманах мужниных штанов. – Не могу же я разбазарить семейный бюджет за один день.

– А что, прикольно было бы, – обрадовалась Тоська, но тут же поправилась: – Больному полный покой и своевременный уход...

– Да, – простонал Федор, устраиваясь на диване с помощью Насти, – шли бы вы все отсюда!

– Стул у него может быть многоразовым, на это не нужно обращать внимания...

– Не обращайтесь на меня внимания, – искренне просил Смолкин.

– Что ты, милый, – плотоядно улыбнулась Люська, – да мы тебя ни за что не оставим без внимания в такой критический момент!

Смолкин застонал еще громче и уткнулся в подушки.

– Спасибо вам, доктор, – продолжала рассыпаться в словах благодарности Селиванова, провожая приятельницу к выходу.

– Вызывайте, если что! – зычно прокричала Тоська. – У меня еще в арсенале медицинских принадлежностей электрошокер есть!

– Что ж ты сразу не сказала? – зашептала Люська.

– Ничего, он и без электрошокера бегать будет как заведенный. Вы ему на всякий случай путь до туалета от мебели-то расчистите.

– Обязательно расчистим, – пообещала Люся и закрыла за медсестрой дверь.

Смолкин притих под чуткой опекой Белкиной. Та, склоняясь над ним, пыталась фальшиво исполнить колыбельную песню.

– Ну, уж это слишком, – заявила Селиванова, подняв обоих с дивана. Смолкину предложила убраться в спальню, сказав, что собирается заняться уборкой его холостяцкой квартиры, а Настя будет ей помогать.

Федор промычал нечто невразумительное, но перейти в спальню согласился без эксцессов. После укола ему стало значительно лучше, впрочем, он и с утра чувствовал себя вполне сносно. Но не показывать же свою бодрость духа рыжей ведьме, которая сразу потащит его к своей мамочке! На всякий случай он застонал и схватился за голову. Затем, передумав, принялся растирать место укола. Он понял, переигрывать было нельзя. Эта рыжая фурия тут же вызовет ходячий электрошокер!

Ему страшно захотелось остаться одному. Совершенно одному! В своей захламленной холостяцкой квартире! Впрочем, как подумал Федор, пусть эти дуры сначала уберутся и приготовят обед. А потом он займется выяснением обстоятельств, вынудивших его жениться на Селивановой.

Люся тем временем не теряла ни минуты. Она, как и обещала Тоське, занялась перестановкой мебели, начать которую собиралась еще накануне. Прислушавшись к шагам Смолкина, направляющегося к постели, она тут же переместила стол, после него два колченогих стула, отодвинула к другой стене кресло, переставила в дальний угол подоконника горшок с кактусом, заполненный окурками.

– Она сказала «расчистить»! – возмущенно округлила глаза Белкина.

– Ты думаешь? – подмигнула ей Люська, прикидывая, как молодожен будет добираться до необходимой при очищении организма емкости.

Долго мучиться размышлениями ей не пришлось. Прямой путь указал сам Федор, стремительно вылетевший из спальни. Он потратил драгоценные секунды на махровый халат и теперь спешил добежать до туалета в кратчайшие сроки. Первым делом Смолкин врезался в стол, удивленно соображая, откуда сей предмет мебелировки возник на его пути. После стола он опрокинул стулья, перевернул кактус, который задел ногами, когда падал, зацепившись за кресло.

– Да, – глубокомысленно изрекла Люська, поднимая молодожена. – Надо было передвинуть шкаф!

– А! Стерва! – заорал Федор и скрылся в туалете.

– Неблагодарный! – крикнула ему вслед Селиванова и показала язык.

– Федю жалко, – прошептала Настя, едва сдерживая смех.

– Несчастный, – пожала плечами ее подруга, – он надолго запомнит нашу медовую неделю. Кстати, у нас же должен быть медовый месяц!

– Федя не выдержит, – вздохнула Настя и принялась поднимать стулья.

– О! – донесся из отхожего места звук облегчения. – О! О...

– И сколько он будет чистить организм от алкоголя и его компонентов? – риторически спросила Люся.

Ясное дело, Настя этого не знала. А спросить об этом у Тоси молодая жена забыла. Если он примется бегать так весь вечер, то испортит ей выходной день. Мало того, что сорвалась поездка к маме, так она еще не сможет нормально посмотреть любимый сериал про секс в большом городе! Как же она могла забыть про телевизор, который по совершенно идиотским соображениям Смолкина находился в спальне?!

– У! – сделал ей жуткую физиономию Смолкин, семена обратно в спальню.

– Бедненький! – всплеснула руками Настя, глядя на его побелевшее от злости лицо. – Федя, тебе что-нибудь принести? Что ты хочешь?

– Развестись! – рывкнул тот и захлопнул за собой дверь спальни.

То, что мужчины – создания неблагодарные, Люся знала давно. А Смолкин был что ни на есть самым ярким представителем этого неблагодарного сообщества. В нем слились все пороки сильной половины человечества. Слились и перекрыли доступ кислорода к мозгам, оставив в действии лишь один-единственный орган, которым Федя и думал в последнее время. И, увы, это было не сердце. Как подозревала Селиванова, сердце у журналиста Смолкина отсутствовало. Если бы оно билось в его широкой волосатой груди, то он не был бы способен на пакости, отвращающие существование таким милым и тихим девушкам, как Настя Белкина.

Людмила должна отравить ему существование сама. Пусть он побудет в шкуре им же убитого медведя! Федя в шкуре убитого им медведя. Как поэтично она подумала! Чем она жертвует, живя с этим типом в одной квартире? Да всем: психикой, здоровьем, личной жизнью.

Но что это по сравнению со словами благодарности, которые она услышала от многочисленных обманутых подруг Смолкина?

– Переставим шкаф! – решительно заявила она Настасье. – Но прежде освободим его от содержимого.

Та кивнула головой, догадываясь, что подруга настроена очень решительно.

Шкаф Смолкина оказался полным сюрпризов. Естественно, Люську не интересовали марки его одежды. Она обратила внимание на количество галстуков, которое зашкаливало за сотню! Такое излишество не говорило ничего хорошего о хозяине. Зато многое о нем могла рассказать цветастая картонная коробка из-под печенья, в которой были сложены фотографии фривольного содержания. Вот Смолкин на морском пляже среди пальм и волн и с ним длинноногая девица с ярко накрашенными губами. Вот он берет интервью у грудастой блондинки, обнимая ту за узкую талию. Вот к нему прижимается полуголая шатенка с видом продажной женщины... Федор Смолкин не отдыхал от женщин даже на отдыхе!

– Какая гадость, – брезгливо морщилась Люся, вытрясая содержимое коробки на пол.

– Может, не будем смотреть? – предложила Настя.

– Еще чего, – фыркнула Люся, – врагов мы должны знать в лицо!

– Но здесь же одни груди и попы, – надулась та.

– А-а-а! – Мимо них, устроившихся прямо на полу у шкафа, пронесся Смолкин. Он заметил краем глаза, чем они занимаются, и добавил, скрываясь в туалете: – А, стервы! О-о-о!

– Как его довела жизнь, – вздохнула Настя.

– Он сам себя довел, – Люся указала на фотографии. – И мы, – она серьезно поглядела на подругу, – его божья кара за разгульное поведение, его наказание!

– Да, – согласилась с ней Настя, – мы – настоящее наказание.

Вечер пришел неожиданно и быстро. Сумрак надвинулся на городок, когда девушки еще возились со шкафом. Смолкин к этому времени уснул, что позволило беспрепятственно утащить из спальни телевизор. Люся не собиралась жить на диване, но, понимая, что Смолкина в данный момент лучше не трогать, решила провести на скрипучем ложе последнюю ночь.

Сегодня они нашли Смолкину занятие поинтереснее, расследование собственной свадьбы. Озадаченный только чисткой организма, Федор метался весь день. Завтра, в воскресенье, Люся решила все-таки отвезти его на дачу к своей маме. А если тот снова почувствует себя плохо... Впрочем, в том, что он будет здоров и бодр, она уже не сомневалась.

Настя не могла остаться еще на одну ночь. Что подумают соседи? Какие страшные сплетни поползут по их небольшому городку! Будто бы они живут шведской семьей. От этого удара ей уже не оправиться. Настя вздохнула, шепотом пожелала Смолкину «спокойной ночи» и отправилась домой, но с четко разработанным планом дальнейших действий в кармане пальто.

А Люсе ничего не оставалось делать, как караулить своего новоиспеченного муженька. Она принялась смотреть сериал, успев наглубить еще трем девицам, дозвонившимся до Смолкина.

Глава 3

Будем жить впроголодь! В нищете и лохмотьях собирать остатки еды по помойкам

Артемиде Степановне Селиванова растила девочку, отказывая себе во многом, если не сказать во всем. Она надеялась, что со временем из той вырастет хорошая, покладистая дочь, благодарная матери за все ее мучения и лишения. Людмила выросла, но благодарить не спешила. Мало того, что она не обрадовала родительницу получением высшего образования – Селиванову-младшую с треском выгнали из химико-технологического института за хроническое непонимание процессов взаимодействия веществ. Устроила-то Артемиде Степановне дочь в вуз по знакомству за определенное вознаграждение. Так та еще и не оправдала надежд матери на быстрое и удачное замужество. Хотя Людмиле на протяжении всей жизни, как Митрофанушке-недорослю, внушалось, что если не хочешь учиться, то нужно жениться, то есть идти замуж. Артемиде Степановне звала свою дочь перезрелой грушей и, как и все нормальные матери, оказавшиеся в таком трудном положении, пыталась ее познакомить с состоятельными мужчинами.

Естественно, все они были в возрасте, внешность имели соответственную: лысинка да животик. Но разве можно обращать внимание на такие мелочи, когда у этой лысинки лежит солидная сумма в банке, имеется трехэтажный особнячок и в гараже томится парочка иномарок – для себя и для будущей половины. Людмила наотрез отказывалась становиться этой самой половиной. Так что все усилия Артемиды Степановны свелись к абсолютному нулю.

И вдруг вчера дочь призналась, что вышла замуж. Такого удара в спину Артемиде Степановне не ожидала. У нее на примете как раз был один солидный бизнесмен, ищущий хозяйку для своего ранчо. Мать не стала устраивать истерику и закатывать неблагодарной дочери скандал. Она тихо и спокойно пригласила молодоженов к себе на дачу. Должна же Селиванова-старшая познакомиться с мужем собственной дочери, которая ее даже на свадьбу не пригласила! О том, что свадьба была «комсомольской», она и слышать не хотела. Впрочем, что еще можно было ожидать от этой вертихвостки?!

Дочь согласилась и обещала приехать с новоявленным родственником завтра. Артемиде Степановне попыталась прозондировать почву насчет положения зятя в обществе, состояния его бизнеса и так далее. Но получила лишь небольшой отчет Людмилы о том, что жених не богат и не хорош собой. Что заставило ее дочь выйти замуж за подобное ничтожество, Артемиде Степановне не знала и собиралась найти ответ, лично увидев господина Смолкина. Нет, а фамилия-то какая идиотская?!

Федор, уставившись на Артемиду Степановну, молчал, переминался с ноги на ногу и тупо улыбался. Он с утра не сказал ни единого слова своей супруге. Ему не хотелось с ней разговаривать, почему-то ее голос Смолкина перевозбуждал. В плохом смысле этого слова. Федор молчал всю дорогу, пока они тряслись в переполненной электричке, тащились по полям и тропинкам к обветшалому домику с серо-буро-малиновым забором и вредной теткой возле крыльца. Эта тетка и по совместительству мать его супруги показалась ему безумной фурией, сбежавшей из психбольницы и прихватившей с собой полинялый плед, в который наспех заматалась по дороге.

Он вспомнил народную истину: «Хочешь узнать, какой станет твоя жена через пару десятков лет, погляди на ее мать». Люська Селиванова должна была превратиться в толстую, ярко раскрашенную колоду: с синими тенями на веках, с тонкой жесткой полоской бордового рта на одутловатой физиономии и тремя рыжими прядями, собранными на макушке в пучок, напоминающий фигу. В голове Федора вновь пронеслась мысль: какого черта он женился?!

Он тяжело вздохнул и тут же получил тычок в бок от Люськи. Оказалось, нужно было что-то ответить на мамочкино приветствие.

– И мне тоже, – пробормотал Смолкин, – очень приятно.

– Еще бы! – съязвила фурия и, повернувшись к ним спиной, зашагала в дом.

Смолкин грустно подумал о том, что эти две женщины способны с ним сделать все что угодно: удушить, повесить, прирезать. И никто не кинется на его одинокий крик о помощи! Он огляделся. Шесть соток, где находилась дача Селивановых, казались совершенно пустынными, как и соседние владения. Окружающие участки кусты с намечавшейся жиденькой листвой наводили ужас и тоску. Безлюдные улочки дачного поселка тоже не внушали особого доверия. Федор расправил плечи и решил, что просто так он им не дастся. Однако, приближаясь к дому, он заметил на соседнем участке копошащееся существо. Поодаль с ведрами двигалось еще нечто подобное, и дальше, через участок, возилась парочка согнувшихся в три погибели огородников.

– Я не стала в этом году сажать картошку, – заявила Селиванова-старшая, проследив взгляд гостя. – Разбила газон с цветами. Слава небесам и Тихону Аркадьевичу, который мне помог. – При этом она просверлила глазами дочь: мол, от той никакой помощи век не дождешься.

– Я же работаю, мама, – попыталась оправдаться Люська.

– Он, между прочим, тоже, – многозначительно отозвалась мать, – трудится. На ниве малого бизнеса.

– Он что, комбайнер? – решил поддержать разговор Смолкин. Наживать себе еще одного врага ему не хотелось.

– Он бизнесмен, – презрительно сказала Артемида Степановна и открыла дверь, пропуская молодых. – Переобувайтесь в тапки! У меня стерильная чистота, – скомандовала она.

Люся подмигнула ему и принялась переобуваться. Федор последовал ее примеру.

Судя по тому, какие тапки ему достались, мужчины в этом доме водились редко. По крайней мере те, которых можно было в приказном тоне заставить переобуваться. Из чего Федор и сделал вывод, что он будет единственным мужчиной в их семье. А в таком случае ему придется, несмотря на мягкий, доверчивый характер, бить кулаком по столу. Сегодня этого делать он не станет, но в следующий раз... Нет, следующего раза он допустить не должен! Развестись с Селивановой раз и навсегда! Федор подошел к столу и стукнул по нему кулаком. Артемида Степановна в недоумении подняла на него свои засиненные глазищи.

– Крепкий стол, – пояснил Смолкин, – не шатается.

– У меня все крепкое, – заявила та и поставила на стол бутылку с самогонном.

– Мама, – Люся снова толкнула Смолкина в бок, – у нас с этого дня сухой закон.

Федор потер свой бок в том месте, где, по его расчетам, после всех жениных тычков точно образуется синяк, и горестно вздохнул. Действительно, пить ему нельзя ни в коем случае. Иначе неизвестно, чем все это может закончиться. Люська в суде заявит, что прожила неделю с законченным алкоголиком и потребует материальную компенсацию морального ущерба. Свидетелей у нее полным-полно. Нет, он не доставит ей такого удовольствия. Впрочем, развестись с ней нужно прилично. Мама скандала не переживет. Его мама, а не эта фурия с самогонном.

– Ага, – мстительно вставила Артемида Степановна, придиричиво разглядывая осунувшегося Смолкина, – допился, значит.

– Ну, почему сразу допился? – заступилась за Федора Люська.

Она знала заранее, что реакция матери на новоявленного супруга будет резко отрицательной, но не до такой же степени. Все-таки следует принять во внимание, что это Люська вышла за него замуж, а не какая-то проходимка. Впрочем, она как раз и есть та проходимка, которая на самом деле не вышла замуж. Но знать об этом маме совершенно необязательно. Пусть думает, что дочка замужем, и тогда, может, закончит подсовывать ей некондицию в виде

лысинок. Пусть знает, что Людмила живет мирно и счастливо с этим болваном. Но болваном называть Смолкина вправе только она. Почему-то неприятно, когда это делают другие. Не значит ли это, что она питает к Федору какие-то чувства?

Люся поглядела на Смолкина, кружившего, как хищный орел, над бутылкой, и поняла, что никаких особых чувств, в отличие от Настасьи, она к нему не питает. Да и не может питать. Он не мускулистый брюнет с карими глазами, а полная тому противоположность.

– И как же вы встретились? – Артемида Степановна усадила их за стол и принялась пытаться.

– Мамочка, я же говорила, что мы с Федей вместе работаем, – напомнила Люся.

– Ага, – сказала та, направляясь в кухню за провиантом, – производственный роман! Вместо того чтобы трудиться на производстве на благо общества, вы занимались чем попало!

– Мама, – укорила ее Люся.

– Что мама?! – Артемида Степановна поставила на стол блюдо с пирожками. – На работе нужно работать, а не заниматься обустройством личной жизни.

– Правильно, – поддержал ее Федор, применяя свой излюбленный метод обождения дам. – Я тоже, Артемида Степановна, всегда говорил вашей дочери, что на работе нужно работать.

– Правда? – недоверчиво покосилась на него хозяйка и прошла за чайником. – А почему вы так быстро решили пожениться? – выкрикнула она оттуда.

– Почему же быстро, мама? – пожала плечами Люся.

– Правильно, Артемида Степановна! – перебил ее Смолкин. – Я тоже говорил Люсе, что слишком быстро!

– Неужели?! – уже теплее спросила вернувшаяся с чайником Артемида Степановна. – И что же вы теперь собираетесь делать?

Смолкин в порыве искренности чуть было не крикнул, что лично он собирается как можно быстрее развестись, но вовремя сдержался. Вряд ли мать девушки, только что выскользившей замуж, мечтает о разводе молодоженов. Он любезно улыбнулся и сказал:

– Прислушиваться к вашим мудрым советам, Артемида Степановна. Вы такая умная женщина, вы вообще такая... – он старался изо всех сил. – Такая обворожительная!

Та в изумлении плюхнулась на стул. Такого пассажа от своего зятя она не ожидала. Тем не менее Артемиде Степановне было весьма приятно.

– Нужно было слушать молодого человека, – сказала она, обращаясь к дочери. – Он трезво мыслит!

Люся засмеялась. Смолкин был, как всегда, неотразим в своей чрезмерной лести дамам. За что, по большому счету, те его и любили. Он умел преданно глядеть в глаза, вовремя говорить ласкающие слух комплименты и тяжело вздыхать, изображая разрывающие его мужскую душу истинные, нежные и глубокие чувства. Он многое умел, когда хотел. Сегодня и Артемида Степановна попала на его удочку. Смолкин – и вдруг трезво мыслит?! После двух дней беспробудного пьянства? Может быть, он о чем-то догадался?!

Но тот уже обсуждал с мамой неблагоприятные последствия скоропалительных браков. Люся пригляделась к Смолкину. Что интересного и загадочного в нем могла найти Настасья? Как жаль, что сегодня ее нет с ними. Ведь нужно и дальше продолжать показывать брак с хорошей стороны, не забывая при этом наносить Смолкину мелкий вред. Люся надеялась, что настоящим вредителем станет ее мать, которая ни при каких обстоятельствах не должна была принять новоявленного супруга с распростертыми объятиями. Но вдруг начала это делать.

Артемида Степановна во многом соглашалась с зятем. Вернее, тот соглашался с ней практически во всем, чем вызвал в теще волну благожелательного к нему расположения. Ко всему прочему, Федор еще изловчился, чтобы у Артемиды Степановны свалился со стола пирожок, лежавший возле кружки с чаем. Смолкин в мгновение ока поднял пирожок с полу и подобо-

страстно водрузил его обратно. В любом другом случае Артемида Степановна выговорила бы необразованному тупице, что подбирать с полу пирожки и класть их на стол не просто не культурно, а вообще немислимо! Но она сдержалась и сухо поблагодарила Смолкина. Тот ничего не понял и остался доволен.

Люся затосковала. Ее планы рушились, Федор смог-таки найти к матери подход. Впрочем, чего еще можно было ожидать от заправского Казановы? Но все же она не ожидала, что чары Смолкина распространяются на пожилых дам с вредным характером и стойким иммунитетом к мужским особям. Пока она прикидывала, что предпринять, чтобы показать Смолкину отвратительное лицо истинной тещи, тот кинулся мыть посуду. Люся выставила ногу, пытаясь остановить Смолкина подножкой, но тот, дребезжа собранными чашками в руках, перепрыгнул через ее конечность и исчез на кухне.

– Какой приятный мужчина, – пробормотала Артемида Степановна. – Возможно, он сделал правильный выбор.

– Это я его выбрала, мама, – разозлилась Люся. – Я! От меня зависело, станет ли Федор моим мужем.

– Твоя самостоятельность не знает границ! – укорила ее мать. – А девушка должна быть покладистой и мягкой. Как перина, на которую так и тянет завалиться.

– Я не хочу, чтобы Смолкин на меня заваливался, – сказала Люська, не подумав.

– Так у вас с ним ничего не было?! – округлила глаза мать.

Только этого не хватало! Люся подавила в себе желание наругать матери. Это ее личное дело, что и с кем у нее было. Она уже слишком большая девочка, чтобы отчитываться перед мамой.

– Значит, я еще долго не дождусь внуков? – допытывалась та. – Он что, импотент? Я так и знала! Ничего хорошего ты выбрать не могла. Ладно, хоть посуду моет и пирожки с полу поднимает. Вот Тихон Аркадьевич, – она перешла на шепот, – по этому делу такой мастак! Не тарашь глазищи, у меня с ним чисто дружеские отношения. Я сужу по его трем бывшим женам, с которыми у Тихона Аркадьевича остались чудесные отношения и дети.

– Когда-нибудь, – вздохнула Люся, – и у меня будут чудесные отношения и дети...

– Я не доживу, – поджала губы Артемида Степановна и кинула взгляд в кухню: – Старается, моет.

Смолкин действительно старался. Людмила совершенно не понимала причину его стараний. Неужто ему так захотелось произвести неизгладимое впечатление на тещу? Но она же не его теща! Впрочем, Федор об этом не догадывается. Неужели он искренне полагает, что они заживут одной большой и дружной семьей? Люсе на миг показалось, что они с Настасьей зря все это затеяли. Если все пойдет так далеко, то Смолкин потребует не только большой и дружной семьи, но и выполнения супружеских обязанностей. В какую-то минуту Люся чуть не проявила слабость, собираясь честно признаться матери во всем случившемся и бросить свою затею. Но нельзя подводить Настену. Слишком уж она надеется на положительный исход этого сомнительного предприятия.

– Пойду помогу твоему муженьку, – Артемида Степановна скрылась на кухне.

Оттуда сразу послышались голоса, полилась светская беседа про погоду и природу, посыпались комплименты. Люся усмехнулась. Нет, этого Смолкина все-таки придется перевоспитывать ради подруги, и никуда ей от этого не деться. Она встала и подошла к окну полюбоваться привычным дачным пейзажем. Солнечный день явно располагал к прогулкам. Люсе захотелось выйти на крыльцо и вдохнуть чистый, не загазованный воздух.

Открыв дверь, девушка вскрикнула от неожиданности. Прямо перед ней оказался огромный букет ромашек, из-за которого выглядывала довольная физиономия румяного толстяка.

– Привет! – обрадовался тот, как будто произошло именно то, о чем он мечтал все последнее время. – Испугал?

– Испугали, – ответила Люся, понимая, что доставляет ему сказочное удовольствие своим ответом.

– Какая пугливая, – надвинулся на нее толстяк, сунув Люсе в руки цветы. – Козочка!

– Что? – обомлела Люся, догадываясь, что козой называли ее. Не Артемиду Степановну же, которая продолжала возиться со Смолкиным на кухне. И что они там только делают? По пятому разу моют чашки?! Или сплетничают о ней?

– Мама! – крикнула она. – Тут к тебе пришли!

– Не к ней, – заявил толстяк, проходя к столу и располагаясь на месте Федора. – К тебе!

Люся чуть не закричала ему, что такое непозволительное обращение и обзывательство рогатым скотом совершенно с ней недопустимо, что такие непрошенные гости ей ни к чему. Пусть забирает свой букет и тащится с ним обратно. Не то, не то... Не то, Смолкин выйдет и разберется с ним.

– У меня между прочим муж есть! – вырвалось у Люси в продолжение мысли.

– Какой муж? – нахмурился толстяк, и его рука остановилась в нескольких сантиметрах от тарелки с пирожками.

– Законный, – сказала Люся, довольная, что озадачила гостя.

– Как это? – Он взял пирожок и задумался. – Артемиды Степановны этого мне не говорила...

– А она сама об этом узнала только вчера! – заявила Люся, ликуя, что ее слова произвели должное впечатление на толстяка.

– Ты – Людмила? – на всякий случай поинтересовался тот.

– Людмила Селиванова, – гордо тряхнула рыжей шевелюрой Люська.

– А я Тихон Аркадьевич, – задумчиво представился толстяк.

Люся чуть не сказала, что она рада, но вовремя опомнилась. С чего бы ей радоваться? Да и не рада она вовсе встрече с этим половым гигантом, у которого имеются три жены, отношения и дети.

– Мама о вас говорила, – на всякий случай сказала она вежливо.

– Она много чего говорила, – с обидой отозвался толстяк. – А про мужа не упоминала!

– Да, – из вредности Люська снова наступила ему на большую мозоль, – я вышла замуж! Так что меня можно смело исключить из списка ваших потенциальных невест.

– Жаль, ты мне понравилась, – признался Тихон Аркадьевич и полез в карман пиджака за носовым платком, которым тут же принялся вытирать вспотевший от досады лоб. – Когда выскочила замуж?

– На днях, – Люся оскорбилась. Ишь какой! Выскочила! Как будто жениться идут, а замуж только выскакивают. Натуральный шовинизм. Мужчина никогда не скажет, что он выскочил жениться. Зато если девушка, то та обязательно выскакивает. – Вышла замуж! – повторила она.

– Слышал уже, – скривился толстяк и налил самогона из сиротливо стоявшей на столе и непечатой бутылки. Залпом опрокинул стакан в себя.

– Мама! – снова позвала Люся, прекрасно понимая, что светской беседы у нее с гостем не получится. – К тебе пришел Тихон Аркадьевич!

– Да, – мрачно заявил тот, – к ней я пришел! – Выхватил у Люси цветы и встал.

– Тихон Аркадьевич! – Из кухни пулей вылетела Артемиды Степановны и кинулась к гостю.

Тот сунул ей букет, тоскливо поглядел на вышедшего за ней Смолкина и тяжело вздохнул.

– А у меня такая радость, – произнесла Артемиды Степановны голосом человека, потерявшего в одночасье все, что было нажито непосильным трудом, – дочь замуж вышла.

– Знаю уже, – буркнул толстяк и... упал.

Конкуренции Смолкин не терпел. В этом было его мужское обаяние и сила. Ради любимой женщины он был готов на любые безумства. Людмилу Селиванову он не любил ни в данный момент, ни в принципе, но раз уж она считалась его женой, то имела право на его внимание. Только его, а не этого типа с ромашками! Пока Артемида Степановна раскланивалась с гостем, Смолкин успел убрать в сторону его стул. Конкурент, естественно, сел мимо.

Люся блаженно улыбалась, глядя, как лакированные ботинки взлетели над столом и опустились вслед за их нахальным владельцем на пол. Артемида Степановна заохала, сунула букет дочери и принялась хлопотать над незадачливым женихом, бросив колючий взгляд на довольных молодоженов.

Смолкин тут же сделал озабоченное лицо и кинулся помогать теще.

– Как же вы так? Да как же, – суежилась Артемида Степановна, водружая толстяка с помощью Федора на стул, – промахнулись-то?!

– У вас что, – прохрипел гость, – стулья ненормальные, на колесах?!

– Есть тут у меня ненормальные, – прошипела та, сверкнув глазами в сторону дочери.

– Я бы попросил вас, – простонал тот, держась за свой бок. – Тому, что я двадцать лет назад не прошел психиатра на призывной комиссии в военкомате, есть вполне объективное объяснение...

– Да что вы говорите?! – всплеснула руками и цветами Люська, довольная, что вывела субъекта на чистую воду. – То-то я думаю, ненормально иметь чудесные отношения с тремя бывшими женами!

– Он шутит, – заявила мать, усаживаясь рядом с толстяком, с лица которого успел сойти румянец.

– Да, – сказал тот, – я шучу.

– Я тоже, – встрял Смолкин, – пошутил.

– И я могла бы признаться, что про замужество пошутила, – усмехнулась Люся, – но не стану.

– Какие уж тут шутки, – вздохнула Артемида Степановна и принялась ухаживать за гостем.

Если бы она только знала, на что способна ее дочь, то дело приняло бы нешуточный оборот.

На Тихона Аркадьевича, как поняла Люся с первого взгляда, возлагались особые надежды. Неоправданные, как оказалось впоследствии. Как ни старалась Артемида Степановна убедить присутствующих, что скоропалительные браки часто разрушаются, что кризис наступает уже на первом месяце семейной жизни, что ничего хорошего от этого супружества она не ждет, что каждый второй брак, нет, каждый первый брак в конце концов все-таки разваливается... Ничто не могло помочь толстяку вернуть на свою унылую физиономию розовый цвет.

Смолкина-то она вполне убедила. Тот угодливо поддакивал теще и кивал головой. Но Тихон Аркадьевич, которому приспичило жениться, ждать кризиса и развода не собирался. А сейчас он хотел только одного – пирожков с чаем, что ему и было немедленно предоставлено.

Люся в очередной раз провалила план матери по сватовству. Сколько было таких планов! И она все отвергла. Сегодня сватовство, правда, не состоялось по уважительной причине. Нельзя же девушке иметь сразу двух мужей. Мужей нельзя, а если распределить роли иначе? Один будет мужем, другой – любовником. Подобной схемой «жена+любовница» пользуются многие мужчины, и никто их за это не осуждает. Люся поглядела на одного, на другого: оба показались ей недостойными вариантами. Да и не до такой степени она феминистка, чтобы использовать нескольких мужчин в комплекте.

Она обычная девушка со своими принципами и жизненной позицией, которые слегка устарели на фоне глобальных мировых перемен. Конечно, она не Джульетта, ищущая своего Ромео, но выйти замуж по любви все-таки хочется, несмотря ни на что. Хотя она и пустилась в

авантюру с мнимым замужеством, но ее философия осталась прежней – ни за что и никогда без любви. Люсе почему-то резко расхотелось возвращаться со Смолкиным домой. Кто знает, не начнет ли он ее домогаться? Судя по его ревливой реакции на Тихона Аркадьевича, от Федора можно ожидать чего угодно.

Впрочем, Люся может прикинуться больной. Начнет кашлять и скажет, что заболела открытой формой туберкулеза. Нет! Он испугается и сбежит, и процесс перевоспитания затянется на неопределенное время. Можно сказать, что у нее болит голова. Тут же в голову полез пошлый анекдот про то, что домогающийся Смолкин ее не думать заставляет... Лучше Люся ему сообщит, что она беременна и ее постоянно тошнит. Точно! Это наилучший вариант. Раз назвалась груздем, то не вылезай из кузовка. На всякий случай Люся изобразила икоту и, якобы испугавшись, закрыла рот рукой, стремительно выскочив из-за стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.